

тельской среде 1910-х гг. // Блоковский сб. 6: Блок и его окружение. Тарту, 1985; Тименчик Р. Д., Черный К. М. Анненский И. Ф. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1; Произведения И. Ф. Анненского на русском языке: Библиография. Иваново, 1989; Верхейл К. Трагизм в лирике И. Анненского // Звезда. 1995. № 9; Кушнер А. Среди людей, которые не слышат... // Новый мир. 1997. № 12; Ильин В. Н. Иннокентий Анненский и конец Периклово века России // Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997; Адамович Г. В. СС: Лит. беседы: «Звено» (1923–1928): в 2 кн. / вступ. статья и прим. О. А. Коростелева. СПб., 1998; Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998; Кихней Л. Г., Ткачева Н. Н. Иннокентий Анненский: Вещество существования и образ переживания. М., 1999; Маковский С. К. Портреты современников. М., 2000; Аксенова А. А. Анненский И. Ф. // Лит. энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940). М., 2001. Т. 4. Ч. 1; Корецкая И. В. Лит-ра в кругу искусств. М., 2001; Петрова Г. В. Творчество Иннокентия Анненского. Новгород, 2002.

В. С. Федоров

АНСТЕЙ Ольга (настоящее имя Ольга Николаевна Штейнберг) [1(12).3.1912, Киев — 30.5.1985, Нью-Йорк] — поэт, прозаик, критик, литературовед, переводчик.

Родители А. принадлежали к старой киевской интеллигенции: отец до Октябрьской революции был мировым судьей, затем — юристом, мать — преподавателем русской литературы. Стихи А., по собственному признанию, начала «складывать» с 4 лет. Впрочем, самые ранние опубликованные стих. поэтессы относятся к 1930. В Киеве А. окончила среднюю школу, затем Ин-т иностр. яз. (специализация: английский и французский). После окончания ин-та работала переводчиком и секретарем в организации, связанной с химической промышленностью.

По поводу выбранного поэтессой псевдонима существует 2 версии. По первой из них, в качестве псевдонима А. взяла фамилию английского писателя-фантаста Ф. Анстея (1856–1934). Но вероятно и то, что при выборе псевдонима А. апеллировала к Кристоферу Анстею (1724–1805), английскому поэту, для творчества которого характерно пародийное начало. Сама А., как и ее первый муж Иван Матвеев (поэт — Иван Елагин), была автором многочисленных пародий на стих. Н. А. Некрасова, И. Северянина и А. Ахматовой. Пародии эти вошли в машинописный сб., напечатанный А. в февр. 1943 «в количестве одного экземпляра, из коих один нумерованный» (Собрание стихотворений. С. 7). Соавтором А. по этому сб. был Иван Матвеев. Тог-

да же, по утверждению Т. Фесенко (**Собр. стихотворений**. С. 7), поэтами были впервые употреблены псевдонимы «Ольга Анстей» и «Иван Елагин». В качестве авторов сб. на титульном листе значились Ольга Анстей, Иван Елагин и Ольга Штейнберг.

За Ивана Матвеева А. вышла замуж в 1937 в Киеве. В СССР А. не печаталась. Тем не менее ее стихи знали, более того — они заслужили одобрительный устный отзыв известного украинского поэта Максима Рыльского. Немецкая оккупация застала Матвеевых в Киеве, вдвоем они пережили самые трагические ее моменты. Впоследствии А. первой в русской поэзии коснулась темы Бабьего Яра. Ее «**Кирилловские яры**» (1943) посвящены массовому уничтожению евреев в оккупированном городе и пронизаны топографической символикой «Бабиного Яра» — места, издревле связанного с культом языческой богини смерти. В этом стих. содержатся элементы анализа инфернальной географии как феномена.

В 1943 Матвеевы вместе с другими киевлянами были отправлены на принудительные работы в Германию. В 1945, в Берлине, у них родилась дочь Лиля. С 1946 Матвеевы находились в лагере для перемещенных лиц Шлесгейм. Лит. жизнь Шлесгейма была необыкновенно насыщенной. В лагерь приезжали Н. Белавина и И. Сабурова, а частыми гостями барака Матвеевых были Б. Нарциссов и Б. Филиппов. К шлесгеймскому периоду относятся первые опубликованные стихи А. Они увидели свет в газ. «D. P. Express», редактором которой был казначий поэт А. Перфильев, подписывавший свои произведения псевдонимами Александр Ли, Шери Бренди. Затем последовали публикации в органах печати эмиграции «первой волны»: альм. «Грани», ж. «Отдых», «Обозрение», «Дело», «Возрождение» и др. В 1947 произведения А. были опубликованы в поэтическом сб. т. н. «дипийцев» («перемещенных лиц»). Кроме А. в сб. участвовали: И. Елагин, А. Шишкова, князь Н. Кудашев и др. В 1949 в Мюнхене вышел первый поэтический сб. А. под названием «**Дверь в стене**», куда вошли стих. 1930–48.

В центре произведений А. киевского и мюнхенского периодов находится «благочестия град усладный» (Собрание стихотворений. С. 183), отождествляемый поэтессой с Киевом, Китежем и даже Кэр-Исом. В стих. «**Китеж**» (1937) А. обращается к бретонским легендам о затонувшем городе Кэр-Ис, преломленным, впрочем, через драму А. Блока «Роза и крест». Причиной гибели

Кэр-Иса в этом стих. А. становятся усыпляющие напевы коварной Дагю, дочери короля Граллона, которым противопоставляется пение «недреманных» (Собр. стихотворений. С. 183) китежских колоколов. Впоследствии одной из доминирующих в творчестве А. станет тема Киева, «многохолмного Сиона», а др. культуранимы превратятся в инварианты пребывающего под сигнатурой Софии града. Так, в письме к поэтессе Татьяне Фесенко от 6 сент. 1965 А. писала: «Киев, как Китеж поддонный, теперь живет во мне так осязаемо, так я чувствую его, дороге камни его...» (Собр. стихотворений. С. 13).

В 1950 А. развелась с Елагиным. Сначала, связанные эмиграционными документами, Елагин и А. приехали в Нью-Йорк вместе, а затем окончательно разошлись. А. стала работать в ООН, сперва секретарем, затем переводчицей с английского и французского яз. в Отделе русских письменных переводов. Летом 1954 А. вышла замуж за писателя и литературоведа Бориса Филиппова и вместе с ним переехала в Вашингтон. Но Вашингтон как город не импонировал А., и она вернулась в Нью-Йорк.

Брак А. с Борисом Филипповым продлился недолго. Тем не менее в 1954 А. принимала участие в издании двухтомника Н. А. Клюева (Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк), работу над которым возглавил Б. Филиппов. Клюевские мотивы особенно значимы для американского периода творчества поэтессы.

В США А. стала постоянной сотрудницей «Нового ж.», где на протяжении 35 лет публиковала свои произведения. В то же время А. продолжила литературоведческие штудии, начатые еще в Шлесгейме. В 1951, в «Лит. современном» (№ 2) появилась ее статья «Мысли о Пастернаке», что позволило Г. Струве возвести поэтические произведения А. к пастернаковской линии русской поэзии. Впрочем, «Родной язык» — программное стих. американского периода творчества поэтессы — можно назвать постакмеистским. Так, в этом стих. язык — корабль, устремленный к некой высшей цели, а краткое плавание на словесном корабле — смысл и оправдание «странствия земного».

Поэтическое наследие А. невелико: ее первый сб. «Дверь в стене» насчитывает 34 стих.; второй — «На юру» (1976) — 66 стих., из которых мн. перенесены из первой книги. Тем не менее А. по праву считается одним из наиболее значительных поэтов «второй волны» эмиграции. О. Ильинский утверждал, что поэтическое творчество А. отражает опыт целого поколения; Е. Таубер считала главным

в поэзии А. религиозную тематику, глубокий духовный опыт. При этом стих. А. «Я примирилась в сущности с судьбой» по мнению той же Е. Таубер является одним из лучших любовных стих. второй половины XX в.

В лит. кругах эмиграции «второй волны» А. была широко известна и как переводчик. В 1960 в Нью-Йорке отдельным изданием вышел выполненный А. русский перевод повести Стефана Винсента Бенэ «Дьявол и Даниэль Вебстер». А. переводила на русский язык произведения Теннисона, Хаусмана, Честертон, Рильке и др.

А. была глубоко православным человеком. На протяжении мн. лет выполняла обязанности псаломщика при Свято-Серафимовском храме в Нью-Йорке. Последние годы жизни поэтессы омрачила тяжелая болезнь, рак груди. Тем не менее А. стойко переносила физические страдания и не поддавалась «демону уныния». В родном Киеве поэтессе удалось побывать в 1965, но свидание с «многохолмным Сионом» было недолгим. В авг. 1978 А. гостила в Вермонте у И. Елагина, преподававшего в Русской летней школе, а в 1979 переехала в Лос-Анджелес, который называла «мерзейшим» и безличным городом (Собрание стихотворений. С. 16). В городской мифологии А., являющейся неотъемлемой составляющей ее текстов, лицом или, точнее, ликом обладают только Киев и Нью-Йорк.

Для жизни и творчества А. была характерна церковность, глубокая привязанность к православной церкви и ее быту, поэтическое преломление этого быта. Однако как человек и как поэт А. остается прежде всего урбанисткой — в высшем смысле этого слова. Но только один город неизменно присутствует в ее текстах. И это Киев — «многохолмный Сион».

Соч.: Дверь в стене: стихи. Мюнхен, 1949; На юру: стихи. Питтсбург, 1976; Собр. стихотворений. Киев, 2000; Мысли о Пастернаке // Лит. современник. 1951. № 2; Пушкин и общемировая культура // Лит. современник. Мюнхен, 1954; Новый Пастернак // Грани. 1960. № 45; Рассказы // Новый ж. 1977. № 126; Златоустая Анна вся Русь // Новый ж. 1977. № 127; Сама по себе: О поэте Лидии Алексеевой // Новый ж. 1980. № 141; Мастер и Они: О стихах Бориса Нарцисова // Новый ж. 1983. № 151.

Лит.: Зверев Ф. Поэты новой эмиграции // Русская лит-ра в эмиграции: сб. статей / под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 74; Ильинский О. [Рец. на книгу] Ольга Анстей. На юру. 1976 // Новый ж. 1977. № 126; Синкевич В. Три поэтессы Русского зарубежья // Новое русское слово. 1977. 11 сент.; Таубер Е. О поэзии Ольги Анстей // Новый ж. 1986. № 163; Фесенко Т. Люша // Новый ж. 1985. № 161.

Е. Ю. Раскина